

Дневники С. Ан-ского как культурно-исторический источник

МАРИНА ЮРЬЕВНА ЩЕРБАКОВА

Санкт-Петербургский государственный университет, Философский факультет,
кафедра еврейской культуры

e-mail: marina.shcherbakova@gmail.com

Статья посвящена никогда не публиковавшимся дневникам еврейского этнографа, писателя и общественного деятеля Семена Акимовича Ан-ского, хранящимся в Российском архиве литературы и искусства в Москве. Записи относятся к 1915 г. и отражают тяжелое положение евреев в черте оседлости в годы Первой мировой войны, ставшее причиной поездок Ан-ского по зоне боевых действий в Галиции с гуманитарной миссией. Дневники также характеризуют деятельность Еврейского комитета помощи жертвам войны, настроения в еврейских интеллектуальных кругах, распространение идеи создания Еврейского легиона, открытое выступление русских писателей против антисемитизма, возросшего в годы войны, и многое другое.

*Ключевые слова: евреи, черта оседлости, антисемитизм, сионизм,
Первая мировая война, Галиция.*

UDC 39.001

S. An-sky's Diary as a Source of Cultural and Historical Information

MARINA Y. SHCHERBAKOVA

St. Petersburg State University, Faculty of Philosophy, Department of the Jewish Culture

e-mail: marina.shcherbakova@gmail.com

The article refers to the unpublished diary of the Jewish ethnographer, writer and public leader Semyon Akimovich An-sky. The diary is housed in Moscow in the Russian Archive of Literature and Art. The notes go back to 1915 and reflect the wartime crisis of the Jews in the pale of settlement that An-sky saw during his travel around the battle zone in Galicia. The diary also describes activity of the Jewish Committee for the Relief of War Victims, sentiment in the Jewish intellectual groups, expansion of the idea to create a Jewish Legion, overt action of the Russian writers against the increased anti-Semitism etc.

Key Words: Jews, pale of settlement, anti-Semitism, Zionism, World War One, Galicia

Шлойме-Зайнвл Раппопорт (1863–1920), также известный под псевдонимом Семен Акимович Ан-ский, оставил после себя большое и исключительно разностороннее наследие, которое представляет собой неоспоримую ценность для исследователей целого ряда областей. Литературные и избранные публицистические труды Ан-ского на идише составляют собрание сочинений в пятнадцати томах¹, в которое,

однако, не вошли статьи и очерки, в ранний период посвященные народническим и революционным темам, а в 1900-е – 1910-е гг. – преимущественно вопросам еврейского фольклора, прикладного искусства, этнографии и истории евреев России. Этот перечень был бы неполным без упоминания личных документов Ан-ского, хранящихся в архивах нескольких стран². Среди них – никогда не публиковав-

шие дневники ученого за 1915 г.³, на которых хотелось бы остановиться более подробно.

Дневники Ан-ского находятся на постоянном хранении в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), в фонде 2583, насчитывающем 11 единиц хранения. Крайние даты фонда – 1915–1918 гг. Помимо этого, фонд Ан-ского включает в себя рукописи на русском языке и на идише – документы, связанные с финансированием этнографической экспедиции, изданием «Альбома художественной еврейской старины»⁴, выпуском брошюр партии социалистов-революционеров и созданием Еврейского музея, что по-своему характеризует масштаб деятельности ученого в последний период его жизни в России. Фонд 2583 также содержит посвященный Федору Сологубу рассказ Ан-ского «Страшная и удивительная история про четырехвратную башню в городе Риме, про корону железную, про неувядаемые травы и про кесаря»⁵, рукописную пасхальную Аггаду XVIII в. на древнееврейском языке с цветными рисунками, которая предположительно принадлежала Хаиму Бялику, и некоторые другие документы.

Дневники Ан-ского из фонда РГАЛИ – это шесть тетрадей с его записями преимущественно на русском языке и частично на идише, а также машинописные копии русскоязычных записей, сделанные после смерти автора, в 1926 г. Объем дневников составляет в общей сложности 279 листов. Записи велись в периоды с 1 января по 8 марта 1915 г. и с 9 сентября по 29 октября 1915 г., причем с 10 по 29 октября Ан-ский вел свой дневник на идише. Тематически записи можно разделить на две основные части, совпадающие с временными рамками первого и второго периодов ведения дневника: в начале 1915 г. Ан-ский находился в Волынской губернии и в зоне боевых действий в Галиции в качестве представителя Еврейского комитета помощи жертвам войны (ЕКОПО); к осени 1915 г. Ан-ский вернулся в Петербург и погрузился в литературную и общественно-политическую жизнь столицы.

Для осмысления охватываемого дневниками периода в жизни и творчестве Ан-ского необходимо сказать, что в 1910-е гг. Ан-ский действовал в рамках тенденции общего расцвета еврейской научной мысли, последовавшего за просветительским движением Гаскала, получившим распространение в черте оседлости в XIX в., и был вовлечен, как многие другие еврейские интеллектуалы, в общественно-политическую и литературную жизнь России. Он много пишет для русских и еврейских пери-

одических изданий, одновременно поддерживает революционное движение, прежде всего партию социалистов-революционеров, принимает активное участие в работе Еврейского историко-этнографического общества и не оставляет занятий литературой. К 1915 г. практически завершено главное произведение Ан-ского, пьеса «Диббук», которую автор надеялся вскоре увидеть поставленной на сцене. Главное дело Ан-ского – всеобъемлющее изучение еврейского фольклора и традиционной жизни, выросшее из народнического опыта ранних лет и призванное укрепить еврейскую национальную самоидентификацию, без которой невозможно полноценное существование народа, – наполняет движущей силой все его замыслы этого времени.

Начиная с августа 1914 г., Ан-ский пытается попасть в зону боевых действий для сбора информации о положении еврейского населения и организации необходимой помощи⁶. В ноябре 1914 г. он принимает предложение еврейских общественных деятелей Генриха Слиозберга и Леона Брамсона поехать в Варшаву с миссией от ЕКОПО, представителем которого Ан-ский останется до 1917 г. Образование ЕКОПО было вызвано появлением с первых же дней войны огромного числа бежавших или выселенных евреев, число которых резко возросло после массовых депортаций евреев, погромов и случаев насилия, в чем проявлялось негативное отношение к евреям со стороны верховного командования русской армии⁷. Кроме того, существовала необходимость оказывать материальную помощь десяткам тысяч семей евреев, призванных в армию. Ан-ский, как никто другой, подходил для должности представителя ЕКОПО в прифронтовой зоне: не связанный семейными узами и не имеющий постоянного места жительства (из дневников мы знаем, что в 1915 г. Ан-ский прилагает огромные усилия, чтобы добиться разрешения на жительство в Петербурге, но ему не удается получить необходимый для продолжения постоянной работы документ), он хорошо знал Волынь и частично Галицию благодаря своим недавним экспедициям. Ан-ский также имел обширный опыт общественно-политической деятельности, который был нужен для сбора средств и для налаживания связей с либеральной частью чиновничества, курировавшего работу Всероссийского земского союза помощи больным и раненым, Всероссийского союза городов и Главного по снабжению армии комитета Всероссийского земского и городского союзов.

В конце 1914 г. Ан-ский находится в Варшаве и в Волынской губернии, где он пытается добиться разрешения на поездку в Галицию с гуманитарной миссией, но получает отовсюду отказы, и на протяжении нескольких недель возможность пребывания Ан-ского в прифронтовой зоне остается под вопросом. В этой связи первая запись в дневнике, сделанная 1 января 1915 г. в Ровно, отражает угнетенное настроение Ан-ского, вызванное долгим ожиданием и отголосками военной жизни в Польше и на Волыни: «Новый год родился в глубоком трауре. Ни пожеланий, ни надежд, вроде стоишь возле покойника. Тоскливо провел день. Ночью пошел в «еврейский театр». Давали бессмысленнейшую оперетку «Ханце ин Америке». Играли бездарнее бездарного. Но театр был набит битком, и публика была в восторге»⁸.

3 января 1915 г. Ан-ский получает известие о том, что депутату от партии кадетов Игорю Демидову, организовавшему передовой санитарный отряд, удалось устроить для Ан-ского направление от ВЗС в Галицию (отряд в то время находился в Тарнове) с целью сопровождения железнодорожных вагонов с простынями и медикаментами. Согласно записям за период с января по март 1915 г., маршрут Ан-ского по прифронтовой зоне на юго-западе Российской империи проходит через Дубно, Радзивиллов, Броды, Львов, Жолкву, Ржетов, Дембицу, Тарнов и Тухов – города с высоким процентом еврейского населения. Перед глазами писателя предстает Галиция, где в 1914 г. развернулся театр военных действий Юго-Западного фронта. Наступление и позже отступление русской армии здесь сопровождалось жестокими погромами с осквернением синагог, массовыми убийствами и разорением общин. Подробно фиксируя все увиденные разрушения, страдания раненых в лазаретах, разговоры в поездах, местами напоминающие «Железнодорожные рассказы» Шолом-Алейхема, и сцены на вокзалах, которые во время войны стали своеобразными «биржами новостей» – «трагизм в трагизме», как будет записано в дневнике 8 февраля 1915 г. – Ан-ский стремится документировать происходящее самым достоверным образом. Особая ценность дневников Ан-ского – широкий охват источников: в поле зрения автора попадают представители разных социальных и этнических групп, причем его сострадание вызывают как жертвы среди еврейского населения, так и пленные австрийские солдаты: «Обходил палаты. Лежит раненый австриец. Совсем мальчик, с красным пуговкообразным носом, воспаленными глазами. У него раздроблена нога, и рана в грудь навыв-

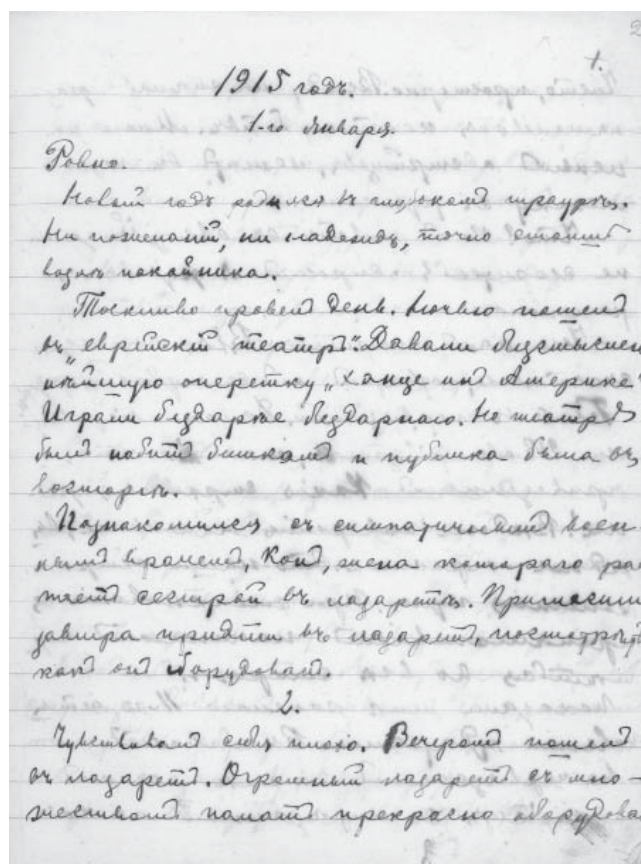

Рис. 1. Страница из дневника С. Ан-ского. 1915
Российский государственный архив литературы
и искусства. Ф. 2583

лет. Кроме того и челюсть поранена, и выбиты нижние зубы. Говорит лихорадочно и не совсем внятно. Обращается к сестре, как обиженный ребенок, жалуется. Ему жестко лежать, трет в бок. И еда... Ему должны, ведь, дать другую пищу.

– Да, да, – успокаивает его сестра, – вам дадут молока, каши.

– Мне нельзя есть мяса, какое всем дают, продолжал, не слушая ее, раненый. – Доктор сказал. Но котлеты мне можно есть. Доктор велел...

Через несколько часов ему делали перевязку и оказалось, что когда ему 5 дней назад забинтовали ногу, положили внешнюю доску слишком длинную и она протерла ему в бок страшную рану в ладонь и чуть не прободала живот. И вот с такими поранениями, с доской, въевшейся в живую рану, человек думает о <...>, даже подвирает, что доктор велел. Видно с этим любимым блюдом ассоциировал облегчение страданий»⁹.

Война в дневнике отражена, прежде всего, с внутренней, человеческой стороны; внимание писателя приковано не столько к ходу боевых действий, сколько к характерам и судьбам людей, в том числе к неофициальным контактам между представителями различных армий, и в этом смысле Ан-ский следует традиции Льва Толстого.

Дневник также отражает потребность автора в осмыслении насилия, происходящего в условиях войны, записи галицийского периода передают нравственно-философское восприятие войны Ан-ским: «Встречал много офицеров, бывших в бою, идущих в бой. Все спокойны, сосредоточенно-скромны, говорят нехотя о своих подвигах. Положительно умиляешься душой, глядя на них. И невольно является мысль: люди переродились, другими стали. А душа не мирится с этим, что война и убийство – облагораживает, перерождает. И у меня явилась дикая, страшная мысль. Человек унаследовал от далеких поколений страсть к крови, как и половую страсть. Страсть к крови он не удовлетворяет, и поэтому в каждом человеке есть какое-то беспокойство, подсознательное. И те, которые на войне эту страсть удовлетворяют, приобретают какое-то особое спокойствие. У военных у всех есть какое-то особое спокойствие. Неужели в этом ужасе есть доля правды».

Следует отметить, что Ан-ский описывает трагические для еврейства события на юго-западе России, опираясь не только на личные впечатления, но и на устную информацию, полученную непосредственно от очевидцев, сопоставляя рассказы разных людей и конструируя тем самым коллективную историческую память. Собирая рассказы, передающиеся в устной форме, и обнаруживая сходные нарративы, Ан-ский фиксирует специфическую устную традицию Первой мировой войны. Это, прежде всего, подробности происхождения погромов в местечках и городах, восходящих, как правило, к мифическому выстрелу, сделанному неизвестной еврейской девушкой из окна дома, неким убегающим евреем или жильцом его дома, а также обвинения евреев в антироссийском шпионаже и предательстве: «По версии, которую доктор слышал, разгром Брод начался с того, что казачий эсаул погнался за еврейской девушкой. Жилец этого же дома, поляк, выстрелил в него. Поляку удалось бежать, а девушку убили. Потом вышли за город и дали два выстрела из орудия по городу. Затем обливали дома керосином и поджигали. Доктор был здесь с самого начала»¹⁰.

Как этнограф и исследователь еврейского фольклора, Ан-ский также собирает хасидские легенды апокалиптического характера, получившие распространение в Галиции во время войны. Эта тема начала занимать писателя задолго до поездки на фронт: в 1911 г. Ан-ский задумывает книгу, которая получит название «Десять знамений прихода Мессии» и будет окончена в 1916 г.¹¹. Параллельно, в 1915–1916 гг., исследователь готовит статью «Чаяния галицких евреев во время империалистической войны о пришествии Мессии»¹², которая содержит фрагменты, идентичные записям из дневника за февраль 1915 г. Ан-ский фиксирует на страницах своего дневника элементы локальной повествовательной традиции еврейского народа, характерной для конкретного исторического периода. Таким образом, Ан-ский воссоздает уникальное информационное поле, которое характеризует процессы восприятия истории евреями, пережившими события Первой мировой войны.

Помимо того, что дневниковые записи, сделанные зимой и весной 1915 г., носят выраженный документальный характер, по форме многие из них напоминают наброски сюжетов и образов, годящиеся для последующей литературной обработки. Эта часть дневников 1915 г. послужила основой военным очеркам Ан-ского и его книге «Разрушение Галиции», вышедшей в Польше в 1921 г.¹³. Исследователи отмечают расхождение в оценках действий нееврейского населения и армии, высказанных Ан-ским в дневнике 1915 г. и в книге, над которой он работал несколькими годами позже: в текстах, предназначенных для широкой читательской аудитории, сочувствие и симпатии Ан-ского обращены исключительно к еврейскому населению, в то время как личные записи писателя содержат сострадание всем жертвам войны независимо от их национальной или социальной принадлежности¹⁴. Переосмысление писателем своей позиции представляется неизбежной реакцией на разрушения и небывалое насилие, «какого еврейство не переживало с мрачных времен гайда[ма]тчины»¹⁵, произведенное русской армией под командованием генерала Н.Н. Янушкевича сначала при триумфальном занятии восточной Галиции в 1914 г. и во время отступления с захваченных земель в 1915 г.¹⁶. «За немногими исключениями, все еврейские синагоги или разрушены, или уничтожены, или заняты под лазареты и казармы, и многие превращены в хлева и отхожие места. При этом почти всюду Свитки Завета были порваны, из них сделаны сумки, барабаны, непромокаемые плащи, голенища и т. д. Одно-

временно с этим уничтожены религиозные книги и утварь синагоги», – напишет Ан-ский двумя годами позже, в марте 1917 г., в обращении непосредственно к председателю Временного правительства князю Г.Е. Львову с пронзительным письмом о бедственном положении еврейского населения, в котором он также воссоздает зарисовки из своего дневника 1915 г.¹⁷. Став очевидцем разрушения еврейских общин, Ан-ский, как никто другой, осознает близость полного исчезновения еврейской культурного наследия в черте оседлости, что постепенно заставляет его выступать с более радикальной позиции.

Как следует из дневниковых записей осени 1915 г., по возвращении в Петроград Ан-ский продолжает заниматься организацией помощи еврейскому населению, пострадавшему в войне, однако сверх этого он видит необходимость принятия более действенных мер по защите еврейства в черте оседлости и сохранению художественных ценностей и предметов материальной культуры. После очередного заседания в Еврейском историко-этнографическом обществе 20 сентября 1915 г. Ан-ский пишет в дневнике: «Я поставил вопрос, что предприняло Общество для сохранения предметов еврейск[ой] старины во всей черте, которые при этой войне самым варварским способом уничтожаются, расхищаются, сжигаются»¹⁸. 8 октября 1915 г. писатель с горечью констатирует бессилие «кабинетных» обсуждений еврейской трагедии в прифронтовой зоне и излагает краткое содержание своего выступления на пленуме ЕКОПО, в котором им были выдвинуты новые требования к плану помощи жертвам войны: «Я еще раньше просил слова, хотел говорить о характере деятельности пленума. Но Брамсон с своей истерикой создал такое настроение, которое не подходило бы для моей речи. Однако я сказал несколько слов. Указал, что политич[еский] Коми[тет], [со]бравши всю еврейскую интеллигенцию Петербурга, вершает политические судьбы еврейского народа, сидя в кабинете. Чтобы узнать, что совершается в еврействе и какие запросы народ выдвигает, надо не посылать туда молодежь, которой платят за поездки, а самим ездить и видеть собственными глазами. Молодежь при всей ее преданности больше, чем передаточным органом денежной помощи, быть не может. Она не может и не имеет авторитета давать советы и указания, она не способна охватить общей картины. И в результате получилось то, что на все сведения с мест смотрят здесь только как на архивный материал для истории, на материал для разговора с министрами. И вся еврейская

политика свелась на разговоры для министерской передни и сузилась до куриного кругозора. Необходимо выработать план расселения [и] устройства беженцев, план борьбы с погромами и насилиями, систематической связи с общественными учреждениями, с партиями с нац. группами и т.д. Для этого пленум должен разбиться на секции и члены его должны ездить на места.

Предложение было принято сочувственно, но дебатов по нему не было <...>»

После поездок по юго-западным регионам Российской империи Ан-ский искал способ оказать более действенную помощь жертвам войны и беженцам, и в силу своего, во многом уникального, опыта поездок по военной Галиции не считал исчерпывающими те меры, которые вырабатывались в столичных комитетах. В 1914–1915 гг. Ан-ский работает над упоминавшимся выше публичным обращением к евреям, в котором призывает народ не уступать провокаторам и перечисляет конкретные шаги, способные, по его мнению, улучшить правовое положение евреев в условиях войны и оккупации, а также сформировать национальное гражданское сознание. Дневниковые записи показывают повышенное внимание Ан-ского к проблеме клеветы, несправедливых обвинений евреев в шпионаже. Находясь в Галиции, Ан-ский подробно записывает в своем дневнике примеры подобных явлений, документирует отношение различных представителей нееврейского населения к этому вопросу и собирает листовки с соответствующим антисемитским содержанием (неоднократно виденные им в разных местах), составляя тем самым уникальный архив документов военного времени.

В Галиции Ан-ский ощущает острую необходимость развития гражданского сознания среди евреев и формирования у них стремления к получению полноценных гражданских прав. Это подкреплялось предшествовавшим поездкам в Галицию общением с Владимиром Жаботинским, который начиная с 1914 г. вынашивал замысел создания Еврейского легиона. По возвращении в Петербург Ан-ский занимается активным привлечением новых сторонников формирования еврейского военного подразделения для участия в сражениях на стороне Антанты за освобождение Палестины от турецкой власти, что позволило бы еврейскому народу закрепить право на свою историческую родину. Ан-ский, прежде никогда не разделявший убеждений сионистов, с 1914 г. находится в тесном контакте с Жаботинским, который летом 1915 г. приезжает в Россию с целью сбора

средств на Еврейский легион. По возвращении из Галиции Ан-ский, по словам историка С.М. Дубнова, известного противника сионизма, «заразился романтизмом Жаботинского: рвется в Англию для пропаганды идеи англо-еврейских легионов, призванных освободить Палестину»¹⁹. Ан-ский действительно с воодушевлением подключается к кампании в поддержку легионизма: посещает заседания так называемых легионистов, читает лекции среди молодежи. Его выступления вызывают оживленные дискуссии и имеют широкий успех: «Ночью опять читал о легионах. На этот раз говорил с большим вдохновением. Некоторые из присутствующих говорили, что пришли врагами и уходят друзьями, что я их убедил. Было много дебатов, которые сводились к страху риска, к тому, что это – не еврейское дело. Указывали еще, что Англия ничего не даст, что могут быть Германские легионы. Но против основной идеи выступил один только Цинберг, указывая, что евреи никогда не брались за меч (в диаспоре) и в этом их сила»²⁰.

Политические взгляды и партийная принадлежность Ан-ского неоднократно менялись: за народничеством молодых лет последовала активная деятельность в партии социалистов-революционеров, в эмиграции он начал сочувствовать бундистам, а после поворота к изучению еврейской культуры и этнографии Ан-ский увлекся идеей еврейского автономизма и вступил в созданную Дубновым в 1906 г. «Фолкспартей» (идиш. – «Народная партия»). За время Первой мировой войны Ан-ский пересмотрел свое отношение к тем возможностям, которые автономизм открывал перед евреями. В мае 1917 г. Ан-ский настаивает на включении в программу «Фолкспартей» пункта, признающего первенство древнееврейского языка, что отменяло изначальное принятие партией официального языка идиш как основы еврейской автономии. После языкового спора Ан-ский окончательно отстранился от политики «Фолкспартей» и перешел в ряды сионистов.

В своих мемуарах Дубнов характеризовал политические воззрения Ан-ского как «политический темперамент» без «твердой идеологии» – за этими словами стоит дистанция, возникшая между Ан-ским и тем окружением, которое сформировалось вокруг него за годы еврейской общественной и политической работы, пришедшиеся на период между 1905–1917 гг.²¹ В петроградском дневнике 1915 г. отчетливо прослеживается это охлаждение: Ан-ский так или иначе критикует все еврейские организации и кружки, которые он посещает в это время, за исключением легионистов.

Параллельно происходит сближение Ан-ского с кругом русских писателей, осуждающих антисемитизм и готовых открыто выступить в защиту евреев, прежде всего, это А.М. Горький, Ф.К. Сологуб, Л.Н. Андреев. Эти авторы участвовали в составлении литературно-публицистического сборника «Щит»²², который был призван собрать высказывания русских писателей, мыслителей и ученых по еврейскому вопросу, чтобы противодействовать антиеврейским настроениям, обострившимся во время войны. В русской литературной среде Ан-ский находит отклик на свои творческие замыслы – подготовку сборника произведений современных еврейских авторов, создание книги о военных подвигах и «Еврейского апокалипсиса», а также завершение работы над пьесой «Диббук, или меж двух миров», главным драматическим сочинением писателя, в основу которого положены хасидские легенды, записанные им во время этнографических экспедиций 1912–1914 гг.

Осенью 1915 г. Ан-ский стремится как можно скорее провести «Диббук» через цензуру, что позволило бы поставить пьесу на сцене, однако этот процесс неустанно затягивается и требует все новых, подчас абсурдных переработок произведения. По сюжету пьесы накануне свадьбы в тело девушки Лии вселяется диббук – душа ее покойного возлюбленного Хонона, умершего при известии о том, что Лию выдают замуж за другого. Изгнание диббука из тела Лии, осуществленное цадиком раби Шлоймеле, но не освободившее девушку от любви к Хонону, являлось, по замыслу автора, ключевой сценой пьесы. Именно эта сцена стала камнем преткновения для драматического цензора барона Н.В. Дризена, к которому она поступила от петербургского издателя З.И. Гржебина. Дризен усматривает в изгнании духа связь с евангельской притчей об изгнании бесов, тем самым проводя аналогии между Диббуком и бесом, и возвращает рукопись на переработку, о чем Ан-ский пишет 8 октября 1915 г. в дневнике: «Был у бар[она] Дризена. Заявил вторично, что в таком виде он пьесы пропустить не может и предложил мне переделать ее в этом смысле. В каком. Изгнать изгнание духа. Тогда и пьесу уничтожить. Попытаюсь с своей стороны «изгнать дух» и вместо него вставить слово «душа», «тень человека» и т.п.»²³.

10 октября 1915 г. цензура пропускает отредактированную писателем версию «Диббука», и уже в декабре того же года Ан-ский начинает переговоры с К.С. Станиславским о возможной постановке. Изначально пьеса была написана на идише, но текст был утрачен при спешном

Рис. 2. Л.О. Пастернак
С. Ан-ский читает грузьям свою пьесу «Диббук»

отъезде Ан-ского из России в 1918 г. Русский перевод был сделан автором в 1915 г. в расчете на сотрудничество с Московским художественным театром, однако, несмотря на исключительно положительные отзывы Станиславского о пьесе, война и революция помешали состояться этому замыслу.

В заключение хотелось бы подчеркнуть ценность представленных дневников Ан-ского как многостороннего источника сведений о критическом положении евреев в черте оседлости, обострившемся во время Первой мировой войны, и о столичной еврейской интеллектуальной среде 1910-х гг. В дневниках отражена эволюция общественно-политических взглядов Ан-ского, проистекающая из обострившегося еврейского кризиса в России и разочарования ввиду существующих общественных структур и организаций, защищающих интересы еврейского народа накануне революций 1917 г. Этот период биографии писателя пред-

ставляет, на наш взгляд, особый интерес для более глубокого изучения, с привлечением дополнительных источников. Комментированное издание самих дневников и всего наследия Ан-ского, созданного в годы войны и включающего в себя, помимо дневников, газетные публикации, литературные произведения и документы из личного архива, также может стать весомым научным источником для изысканий по истории российского еврейства.

СОКРАЩЕНИЯ

ЕКОПО – Еврейский комитет помощи жертвам войны
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

¹ В соответствии с последней волей Ан-ского, Хаим Житловский подготовил к изданию полное собрание сочинений писателя на идише: An-ski Sh. Gezamelte shriftn. 15 vols. – Vilno, New York, 1922–1928 (Ан-ский С. Собрание сочинений. В 15-ти томах. – Вильно, Нью-Йорк, 1922–1928).

² Материалы, связанные с Ан-ским, находятся в следующих архивах: YIVO (США), Jewish National and University Library (Израиль), Национальная библиотека Украины им. В.И. Вернадского (Украина), РГАЛИ (Россия), ИРЛИ РАН (Россия) и др.

³ РГАЛИ. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 2–6.

⁴ «Альбом еврейской художественной старины» был задуман Ан-ским как пятитомное издание и был подготовлен к печати в 1918 г., но остался ненапечатанным. В современной версии «Альбома» представлены выдающиеся и редкие памятники еврейского художественного наследия: Канцедикас А.С., Сергеева И.А. Альбом еврейской художественной старины Семена Ан-ского. – М., 2001.

⁵ Рассказ был опубликован в 1918 г. в журнале «Еврейский мир».

⁶ Safran G. Wandering Soul: The Dybbuk's Creator S. An-sky. – Cambridge, London, 2010. – P. 228.

⁷ Гольдин С. Русское командование и евреи во время Первой мировой войны: причины формирования негативного стереотипа // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. Под редакцией О.В. Будницкого. – М., 2005. – С. 29; Дубнов С.М.: Книга жизни. Материалы для истории моего времени: воспоминания и размышления. – СПб., 1998. – С. 347–350.

⁸ РГАЛИ. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

⁹ Там же. Л. 1, 2.

¹⁰ Там же. Л. 11.

¹¹ Черновики книги хранятся в отделе фонда иудаики Института рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Ф. 339. Ед. хр. 89. Автограф.

¹² Там же. Ф. 339. Ед. хр. 22. Автограф.

¹³ An-ski Sh. Gezamelte shriftn. 15 vols. – Vilno, New York, 1922–1928 (Ан-ский С. Собрание сочинений. В 15-ти томах. – Вильно, Нью-Йорк, 1922–1928).

¹⁴ Safran G. Wandering Soul... *Op. cit.* – P. 240.

¹⁵ Ан-ский С.А. Воззвание о помощи беженцам организовать опровержение клеветы против евреев. Отдел фонда иудаики Института рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Ф. 339. Ед. хр. 3. Автограф.

¹⁶ Клиер Дж. Казаки и погромы. Чем отличались «военные» погромы? // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. Под редакцией О.В. Будницкого. – М., 2005. – С. 47–70.

¹⁷ Записка С.А. Ан-ского о еврейском населении Галиции и Буковины, поданная 18 марта 1917 г. министру-председателю и министру иностранных дел // Еврейская неделя. – 1917. – 15 апреля. – С. 61.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 6. Л. 27.

¹⁹ Дубнов С. М. Книга жизни... Указ. соч. – С. 355.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 6. Л. 29.

²¹ Там же.

²² Щит. Литературный сборник. – М., 1915.

²³ РГАЛИ. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 6. Л. 37.